

Непереводимое в поэме Адама Мицкевича «Пан Тадеуш»

Непереводимое в переводе – проблема не новая, но каждый раз она наполняется новым содержанием и приобретает новые формы выражения в зависимости от объекта исследования.

Произведение художественной литературы «является частью национальной культуры, раскрывающей особенности национального характера, нравственно-эстетический идеал народа, так или иначе связанный с общечеловеческой системой ценностей» [1], поэтому при изучении языковой системы произведения с ярко выраженным национальным колоритом обязательно проявляются различия в способах и средствах обозначения реалий действительности.

Русскоязычный перевод поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш», выполненный С. Мар, отличается полнотой содержания, сжатостью формы и сохранением своеобразия авторского текста. Однако при всем стремлении переводчика как можно точнее передать содержание поэмы, в русском тексте-переводе все-таки встречаются лакуны, заполненные в тексте-оригинале производными именами существительными, поскольку язык оригинала и язык перевода всегда представляет собой «сложное взаимодействие денотативных (обращенных к действительности) и сигнификативных (обращенных к образам этой действительности) элементов» [2].

Производные слова отличаются прозрачностью семантики (если только она не осложнена добавочными смыслами) и формы, поэтому гипотетически они должны переводиться легче, чем непроизводные лексемы. Однако из отмеченных нами в тексте поэмы «Пан Тадеуш» 3762 производных существительных при переводе на русский язык теряется 848 лексем.

Объективны и даже в некотором смысле предсказуемы лакуны, появляющиеся в тексте-переводе при столкновении переводчика с польскими производными именами существительными со своеобразной внутренней формой, с этнокультурным или национально-культурным компонентом в семантической структуре. Так, если внутренняя форма русского слова-эквивалента не соответствует внутренней форме польской лексемы, то русское слово с эквивалентным польской производной лексеме содержанием может не включаться в текст перевода, чтобы не допустить разрушения (или искажения) поэтического образа. Польское существительное *krwawnik* имеет русский эквивалент *тысячелистник*, но в основу русского названия положен признак количества листьев, а не цвета растения. В строках: *Stanąwszy nad strumieniem, rzuciła na trawnik // Z ramion swój szal powiewny, czerwony jak krwawnik* [3] смысл сравнения *czerwony jak krwawnik* при переводе на русский язык утрачивается, поэтому переводчик его опускает: *Здесь у ручья она, чтоб грезить не мешали, // Постлала на траве узоры яркой шали* [3, с. 641]).

Как правило, опускаются при переводе безэквивалентные производные имена существительные, план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо русскоязычным лексическим понятием. Например, существительное *dębniak*

является названием национального польского напитка: 'cierpko aromatyczny miód pitny, czworniak, zwany także obozowym lub kwacianym; chmielony z dodatkiem sypakony, jagód jałowca i korzenia waleriany; ogólnie syponym wystawego, wytrawnego miodu pitnego [4]. В поэме данная лексема выступает в составе синонимического ряда: *Beczki starej swuchy, dębniaku i piwo* [4, с. 197]. Однако в тексте-переводе нет дословного эквивалента ни одного из перечисленных названий напитков: русск.: *И помятся столы, вино течет рекою* [4, с. 757].

Перевод некоторых безэквивалентных понятий на русский язык затруднен исторической спецификой функционирования лексем. Так, трудность при переводе польской лексемы *Jenerainość* (название свода документов и постановлений дворянских съездов в Речи Посполитой) [5] на русский язык заключается в том, что она обозначает не просто историческую реалию, а обладает еще и национальной спецификой, то есть содержит семантический компонент регионального колорита, что сближает подобные лексемы с экзотизмами, обычно вводимыми в текст перевода с помощью транслитерации. Однако передача данной реалии в тексте-переводе с помощью транскрипции была бы не совсем правомерна, так как русскоязычному читателю все равно понадобился бы обширный комментарий значения данного понятия. В анализируемом нами русском тексте-переводе существительное *Jenerainość* опущено, что, на наш взгляд, все равно не лишает текст исторической окрашенности благодаря сохранению перевода существительного акты: *Ten wyrok marszałkowski pan Pisarz umieści w aktach Jenerainości, a Woźny obwieści* [5, с. 253] – русск.: *Пусть писарь пошлёт в акт занести решение* [5, с. 809].

Отсутствие в русском тексте-переводе некоторых производных лексем в некоторых случаях можно объяснить не только безэквивалентностью содержания, но и различием понятийных связей, которые данное слово вызывает у носителей сопоставляемых языков. Например, существительное *jaśelki* у поляков ассоциируется с декорациями к кукольным театральным представлениям, посвященным празднику трех королей во время рождественского поста: польск.: *Jako osóbkі, które na trzykrońskie święta Przesuwają w jaśelkach ukryte chłopięta* [5, с. 39]. Русское же существительное *ясельки* скорее ассоциируется с «воспитательным учреждением для маленьких детей», поэтому переводчик сознательно отказывается от данной лексемы.

Иногда понятия, в структуру лексического значения которых входит этнокультурный компонент, по данным переводного словаря, имеют соответствия в русском языке. Но употребление таких эквивалентов в тексте-переводе может привести к разрушению образной системы и национальной специфики поэмы, так как в семантике данных лексем вместе с понятийной основой (которая может и совпадать) отражается и национальное мироощущение, практический тысячелетний опыт нации [6].

Например, существительное *dobrodziej* является вежливым обращением, принятым и среди шляхты, и среди простых крестьян. Но ни одно из русских этикетных обращений (*милостивый государь, сударь, батюшка*) не передает ни национального колорита польской лексемы, ни ее словообразовательной семантики: *dobrodziej* – 'делающий добро'.

Наличие в семантике польского производного имени существительного лексического фона – таких «непонятных семантических долей, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека» [7] – довольно часто является серьезным препятствием для использования в русском тексте-переводе соответствующего межъязыкового эквивалента.

Фоновая лексика легко переводится с языка на язык, но иногда оказывается лишённой смысла в тексте-переводе, поскольку лексический фон у поня-

тино-эквивалентных слов не всегда совпадает. В русскоязычном тексте поэмы мы не находим соответствий польским лексемам *świętynia*, *zafoty*, *dworski*, *małzonek*. Переводчик опускает их, чтобы избежать семантической неточности перевода. Так, лексическое значение польского существительного *świętynia* и его русского эквивалента храм в обоих языках толкуется как 'здание для богослужения' [8]. Но для польского существительного характерна сема 'возвышенно о христианской церкви', которая отсутствует в толковании русского понятия. В словарной статье, посвященной толкованию значения польского существительного *zafoty*, указывается, что это 'действия, совершаемые с целью добиться расположения лица противоположного пола', т.е. их может осуществлять как мужчина, так и женщина. В русском же языке *ухаживание* – обычно привилегия мужчин. Польское существительное *dworski* в словаре толкуется как 'связанный с княжеским двором', а его русский лексический эквивалент имеет значение 'принадлежащий к двору, крепостной крестьянин'. Однако польский дворовой, служивший князю, не обязательно был крепостным.

Расхождения в лексическом фоне межъязыковых понятий обнаруживаются и при анализе их функционирования в речи. Например, польскому существительному *małzonek* соответствует русское понятие муж. Но в польском языке данное существительное употребляется «обычно в официальных обращениях, с оттенком литературности, иногда как шутливое обращение».

Лакуны в русскоязычном тексте появляются и на месте польских лексем с более конкретным, суженным значением слова и соответственно с более узкой сферой его употребления (по сравнению с русским), хотя в переводном словаре рассматриваемые единицы представлены как полные лексические эквиваленты. При переводе текста поэмы переводчик не случайно отказывается от существительных *zbięracz* и *zwierzyna*: польское существительное *zbięracz* обозначает 'лицо, работающее на сборе фруктов, овощей, трав и т.п.', а его русский эквивалент *собиратель* толкуется как 'лицо, занимающееся сбором чего-нибудь'. Польское существительное *zwierzyna* переводится на русский язык как *дичь*, однако значение русского межъязыкового эквивалента толкуется как 'дикие птицы (иногда дикие животные)', в то время как семантика польской лексемы более конкретна: 'различные виды животных и птиц, обитающих на воле в лесах, полях, водоемах и болотах, признанные в соответствии с охотничьим правом животными, являющимися объектом охоты'.

Иногда непереводаемость польских производных имен существительных объясняется несовпадением объема семантических понятий польских и русских лексем. Так, межъязыковая эквивалентность польского *dojeżdżacz* и русского *доезжачий* разрушается актуализацией разных компонентов значения, в результате которой появляются слова с близкой, но не тождественной семантикой. Польское существительное *dojeżdżacz* толкуется как 'охотник на лошади, преследующий животное со сворой охотничьих собак'. В толковании же русского понятия доминирует другая сема: *доезжачий* – 'старший псарец, распоряжающийся собаками во время охоты', поэтому переводчик и не вводит данное слово в текст перевода.

Субъективный характер лакун проявляется в тех случаях, когда польские производные имена существительные свободно переводятся на русский язык, но исключаются из текста по воле переводчика. Не случайно проблема перевода часто определяется как психологическая, поскольку в любом художественном языке выделяется субъективная сфера, опредмечивается аспект переживания субъектом того или иного объективного содержания [9]. Так, например, в русском тексте-переводе существительное *domostwo*, которое имеет значение 'дом, хозяйство, двор' опущено без значительного ущерба для смысла произведения, поскольку его семантика косвенно передается лексемами *крючки*, *засовы*, *плиты*. Ср.: польск.: *U drzwi domostwa wszystkie klamki, ćwiki, haki albo*

ucięte, albo noszą szabel znak [9, с. 157] – русск.: *Засовы па дзвярях иссечены, побиты, В отметках сабельных крючки, засовы, плиты* [9, с. 717].

Довольно часто переводчик отказывается и от польских производных имен существительных, лексическое значение которых не может быть передано с помощью однословного русскоязычного эквивалента (польск.: *robocizna* – русск.: *рабочая сила*; польск.: *Dygnitarzowna* – русск.: *дочь сановника*; польск.: *prawica* – русск.: *правая рука*; польск.: *paliwoda* – русск.: *горячая голова*, польск.: *jutrzenka* – русск.: *утренняя звезда*). Аналитические структуры русского языка, соответствующие польскому однословному наименованию, не всегда могут быть введены переводчиком в поэтический текст без разрушения синсемантического образа, т.е. без нарушения композиционных, ритмических и интонационных связей, организуемых поэтической речью. Ср.: польск.: *I tam za nią mignęła Wojskiego prawica* [9, с. 69] – русск.: *А Войский хлопнул вслед* [9, с. 629] при дословном переводе – *И там за нею: мелькнула правая рука Войского*.

Иногда отсутствие в тексте-перевод польского производного существительного компенсируется семантикой русских лексем, не являющихся ни дословным переводом, ни синонимичными конструкциями по отношению к польскому межъязыковому эквиваленту. Ср.: польск.: *Bo wszyscy zdają mi się mieć równe zasługi* [9, с. 135] – русск.: *Ведь каждый проявил и ловкость, и уменье* [9, с. 695]. Польский оборот *mieć równe zasługi* переводится с помощью семантически близкой в данном контексте русской конструкции *проявить и ловкость, и уменье*.

В некоторых случаях польское производное имя существительное не попадает в текст перевода только потому, что соответствующее ему русскоязычное слово-эквивалент не вписывается в структуру синтаксической конструкции, выбранной переводчиком. Ср.: польск.: *Były tam dwa serduszki z grotem i piomykiem, Dane dla Zosi, gdy Sak był jej zalotnikiem* [9, с. 236] – русск.: *Два сердца пламенных, пронзанных стрелюю, Он Зосе подарил, томясь любовью злою* [9, с. 818]. Польское производное существительное *zalotnik* переводится на русский язык как *ухажер*, но в составе конструкции *gdy Sak był jej zalotnikiem*; переведенной на русский язык с помощью близкого по семантике оборота *томясь любовью злою*, данная польская лексема опускается. Подобные переводческие решения ориентируются не столько на формальные, сколько на функциональные соответствия, позволяющие некоторые отступления от передаваемого текста.

Итак, «непереводимость» польских производных имен существительных в русскоязычном тексте поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» объективна и субъективна в своей основе. Появление лакун в языке перевода, выполненного С. Мар, обусловлено не столько словообразовательными особенностями производных лексем, сколько спецификой перевода поэтического текста, стремлением переводчика сохранить не только автосемантическую, но и синсемантическую образность текста (композиционные, ритмико-интонационные и звукофонические особенности организации поэтической речи); различиями в лексической и грамматической системах языка оригинала и языка перевода: асимметрией в наименовании одинаковых понятий (лексема в польском языке – словосочетание в русском языке); лексической недостаточностью языка перевода, обусловленной наличием в языке оригинального текста безэквивалентных или фоновых лексем, в семантике которых выделяются этнокультурно или национально-культурно маркированные семы и культурные коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. В 2 т. М., 1995. С. 67.
2. *Клюканов И.Э.* Психологические проблемы перевода. Калинин, 1989. С. 5.
3. *Mickiewicz Adam.* Pan Tadeusz. Mińsk, 1998. С. 81.
4. *Wielka encyklopedia powszechna.* W 13 t. Warszawa, 1965. Т. 4. С. 29.

5. *Słownik języka polskiego*: W 3 t. Warszawa, 1978.
6. **Мамонтов А.С.** Номинативные единицы (слова) с фоновой окраской и их роль в восприятии художественного текста в условиях межкультурного общения // Семантика текста и проблемы перевода. М., 1984. С. 79.
7. **Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. С. 26.
8. *Толковый словарь русского языка* /Под ред. **Д.Н. Ушакова**. В 4 т. М., 1935-1940.
9. **Джваршеишвили Р.Г.** Психологическая проблема художественного перевода. Тбилиси, 1984. С. 7.

S U M M A R Y

The polish derivative nouns missing in the Russian text of the poem «Pan Tadeusz» by Adam Mickiewicz are analysed in the article. These cases are classified according to the reason of their appearance.

Поступила в редакцию 1.04.2003